

Прохожие торопливо шагали мимо, не обращая внимания на двух замурзанных мальчишек. А те, крепко держась за руки, с любопытством бродили по улочкам уездного городка и вполголоса обсуждали всё вокруг.

— Гляди на того пацана с портфелем, — зашептал Гоудань. — Школьник, точно?

На груди у прохожего мальчика алел пионерский галстук. Гоудань всегда немного завидовал тем, кто носил такие галстуки, особенно председателям совета отряда.

— А там, дальше, наверное, школа, — отозвался Ван Сюань. — Интересно, пустят туда поглазеть? Наверняка она куда больше нашей деревенской.

Недавняя обида ещё не зажила, а теперь, глядя на чистеньких городских ребят в ярко-красных пионерских галстуках, мальчишки невольно оробели.

Конечно, это было лишь первое, обманчивое впечатление. Далеко не все в уездном городе жили в достатке — бедняков, выбивающихся из последних сил на самом дне, хватало и здесь. Но сначала тот старик уколол их своей заносчивостью, а следом попались эти пионеры из благополучных семей — вот в душе у деревенских ребят и поселился робкий страх. Им казалось, будто все горожане живут так же припеваючи, и это рождало в них трепет перед неведомым городским миром.

Пройдёт время, они увидят жизнь города без прикрас и поймут, насколько наивными и глупыми были их нынешние страхи.

Как раз закончились уроки. Мальчишки пошли навстречу ребячьему потоку и вскоре увидели раскинувшиеся впереди ворота, над которыми красовались крупные, объёмные пунцовые иероглифы: «Центральная начальная школа».

— Ух ты, до чего красиво! — восхитился Ван Сюань. — И крыши все черепичные, вот это да!

Школа и в самом деле выглядела на удивление нарядной. Когда-то это просторное усадебное подворье принадлежало местному богачу, устроившему здесь частное училище для своих отпрысков. После революции усадьбу конфисковали. Поначалу новые власти думали разместить тут уездную администрацию, но места оказалось маловато, а вот для начальной школы здание подошло идеально. Потому-то она и выделялась своим изяществом среди прочих учебных заведений, да и статус школы уберёг её от разрушений в беспокойные годы.

Прижавшись к косяку массивных ворот, ребята заглядывали во двор. Оттуда шумными, весёлыми стайками высыпали ученики — кто-то с гордо реющим красным галстуком на груди, а кто-то без него.

— Эй, вы из какого класса? Чего домой не идёте, высматриваете тут что? — раздался сзади звонкий окрик.

Мальчишки так увлеклись зрелищем, что Ван Сюань вздрогнул от неожиданности и испуганно потянул Гоуданя за рукав.

Ли Кай тоже услышал голос, но, разобрав, что кричит девчонка, даже ухом не повел. В школе коммуны он привык держать себя хозяином: там ни одна девчонка не смела повышать на него голос.

— Эй! Я с кем разговариваю?

Ван Сюань оглянулся. Поняв, что Гоудань и не думает поворачиваться — опять включил свой упрямый характер, засмотревшись на то, как городские мальчишки гоняют колесо, — он решил ответить сам:

— Да мы просто... это... — замялся А-Сюань.

— Что ещё за «это»? — перебила девчонка. — А ну говорите, чего вы тут трётесь?

Ван Сюань поморщился от её бесцеремонного тона. Какая же настырная! Окружающие школьники уже начали замечать неладное и постепенно собирались в кружок.

— Глядите, Восьмая сплетница Чжао Мэй опять за своё! Снова кого-то перевоспитывать взялась! Бегите сюда, поглядим! — послышался чей-то глумливый выкрик из толпы.

Услышав это, Ван Сюань с опаской покосился на стоявшую перед ними девчонку, которая уже упёрла руки в бока. С таким прозвищем она явно была не робкого десятка.

— Мы ничего плохого не делаем, — насупился А-Сюань. — Разве стоять здесь запрещено?

От такой отповеди Чжао Мэй даже растерялась на мгновение, но быстро взяла себя в руки:

— Стоять-то можно! Но вид у вас какой-то подозрительный, точно затеваете что-то недоброе. Быстро говорите, из какого вы класса?

— А твоё какое дело? — наконец соизволил повернуться Гоудань. Больше всего на свете он ненавидел, когда всякие выскочки совали нос в чужие дела.

— А вот и моё! Я Чжао Мэй из третьего класса! — Девчонка гордо вскинула подбородок. — Я в пионерском совете за дисциплину отвечаю и имею полное право проверять всех

подозрительных личностей!

— Ого, проверка! Восьмая сплетница сейчас задаст жару! — загалдели обступившие их ребята. Детворе только дай повод пошуметь, а уж кто прав, кто виноват — дело десятое.

Слыша, как её обзывают сплетницей, Чжао Мэй вспыхнула от злости. Каким бы грозным ни был её вид, она оставалась всего лишь ребёнком, и обидные слова больно кололи её самолюбие.

— Рты позакрывали и брысь отсюда! — прикрикнула она на толпу. — Иначе пойдёте как их сообщники! Я отцу всё расскажу, он к вам домой проверку пришлёт и всё вверх дном перевернёт!

Ребята приумолкли. Хоть они и старались казаться храбрыми, но прекрасно знали, что отец Чжао Мэй — мелкая сошка в Революционном комитете, из тех, кто то и дело устраивает облавы да таскает людей на публичные судилища.

Кое-кто из соседских детей вспомнил строгие наказания родителей: «С этой Чжао Мэй не водись, не спорь и ни слова лишнего при ней не болтай, не то отец её заберёт нас, как тех бедолаг с собраний». Малыши мало что понимали в политике, но частые предостережения взрослых сделали своё дело — с девчонкой старались не связываться.

Услышав знакомую угрозу, зеваки начали тихонько пятиться.

Толпа почти рассеялась, и Гоудань уже собрался уводить Ван Сюаня, но Чжао Мэй сделала знак своим друзьям, и те преградили им путь. Ван Сюань нахмурился. Что за дикие нравы у этих городских? Неужели даже просто посмотреть на ворота нельзя?

— Из каких мест будете? — прищурилась Чжао Мэй. Она частенько видела, как её отец допрашивает задержанных, и невольно переняла эту властную, суровую манеру.

— Сумасшедшая! Пошли отсюда, — фыркнул Ли Кай. Он и не думал тратить на неё время.

Схватив Ван Сюаня за руку, он рванул вперёд. Прихвостни Чжао Мэй, привыкшие «перевоспитывать» одноклассников, даже не успели сомкнуть кольцо — мальчишки юркнули в просвет между ними и припустили по улице так, что только пятки засверкали.

Оставшиеся ребята ошеломлённо застыли. Надо же, какая прыть! У Чжао Мэй от изумления даже рот приоткрылся.

— Да из какого... из какого они класса? — растерянно пробормотала она.

Сколько бы она ни кичилась грозным отцовским именем, ей было всего двенадцать лет. Стоило

нарушителям сбежать, как весь её авторитет испарился, ведь без зрителей устраивать показательную порку было бессмысленно.

Ребята переглядывались и качали головами — этих двоих никто раньше в округе не встречал.

— Несутся-то как, словно собаки за ними гонятся. Может, новенькие? Или вообще из другой школы?

— Ой, глядите, а ведь за ними и правда собаки бегут! Целых две!

— Точно! Наверное, псы загнали их к нам во двор, а Чжао Мэй устроила допрос и напугала до полусмерти.

— Да ну их, я домой побежал. Мама сегодня кусок жирной свинины раздобыла, ужинать пора. А про этих потом разузнаем.

— Эй, стойте! Куда вы? — закричала им вслед раздосадованная девчонка. — Какая из вас революционная молодёжь после этого? А ну вернитесь! Вернитесь, кому говорю! Уф, как же вы меня злите!

Убедившись, что погони нет, Гоудань и Ван Сюань перешли на шаг.

— Да если бы дошло до драки, я бы их одной левой раскидал, — хорохорился Ли Кай. — Бежали бы, дороги не разбирая!

В своих силах он не сомневался. Те городские слабаки казались ему кучей гнилой соломы — подумаешь, старше и числом побольше!

— Верю, — вздохнул Ван Сюань. — Только мы ведь не у себя в деревне. Если бы их родители прибежали разбираться, хлопот бы не обообрались.

— Вот и я о том же подумал. Навязались на нашу голову, тоска зелёная...

Они побрели дальше по незнакомым улочкам, пока Ван Сюань не остановился в замешательстве:

— Слушай... а мы вообще где? Похоже, заблудились.

— Да почём мне знать, ты разве дорогу не запоминал? — буркнул Гоудань. — Ладно, не пропадём. Пусть Дагуай и Сяогуай нас выведут.

— Точно! — повеселел А-Сюань. — Они у нас умницы. В горах уходят невесть куда, а дорогу назад всегда находят. И сейчас справятся.

Если бы собаки умели понимать человеческую речь, они бы точно взвыли от такой несправедливости. Разве можно сравнивать город с лесом? В горах-то всё просто: родные места, знакомые тропы, дичь да редкие следы человека — запахи чистые, ясные.

А здесь, в уездном центре, всё смешалось в невообразимый винегрет. Сотни чужаков, мешанина переулочков, гарь и пыль... В этой сутолоке запахи двух маленьких хозяев мгновенно растворились в чужих следах. Разобрать нужное направление было задачей почти невыполнимой.

Вскоре они вышли на просторную площадь. Народ здесь выглядел иначе, чем на пыльных окраинах: молодые мужчины и девушки были нарядно, даже с некоторым шиком, одеты.

— Должно быть, это и есть тот самый универмаг, про который толковал старик, — Гоудань ткнул пальцем вперёд. — Гляди, вон там огромный плакат с рабочими красуется!

— Ого, какой огромный... — Ван Сюань робко попятился, вспомнив, как их шуганули у ворот Центральной начальной школы за один только любопытный взгляд. Здесь же сновали взрослые приличные люди — вдруг они окажутся ещё злее? — А нас туда вообще пустят?

— Пустят, вон же пацаны заходят, — подбодрил его Гоудань.

Они немного потоптались у входа. Убедившись, что никто на них не кричит и не гонит взашей, мальчишки приободрились. Ли Кай деловито прокашлялся и с самым независимым видом шагнул внутрь, увлекая за собой друга.

Универмаг поражал своими масштабами. Просторные залы ломились от изобилия, однако весь товар был надёжно укрыт за длинными стеклянными прилавками, за которыми важно восседали продавщицы. Покупатели неспешно прохаживались вдоль рядов, высматривая нужное и прося показать вещь поближе.

Стеклянные витрины взрослому человеку едва доходили до пояса, позволяя вести неспешный расчёт с глазу на глаз. Для маленького же Ли Кая эти прилавки высились почти до самых плеч.

Мальчишки так и застыли от изумления. На полках за стёклами ровными рядами лежали диковинные вещи — одни они видели впервые, о существовании других даже не догадывались. У Гоуданя аж ладони зачесались от желания сгрести всё это богатство и спрятать в своём пространственном кармане. Но увы, прикоснуться к сокровищам было нельзя: без денег и талонов продавщицы даже пальцем бы не пошевелили.

Они подолгу задерживались у каждой витрины. Продавщицам не было дела до деревенских оборванцев, так что их никто не прогонял. Стоило ребятам заметить что-то особенно интересное, как они прижимались носами к холодному стеклу, задрав головы и во все глаза рассматривая товар.

— А-а-а! Собаки! Откуда здесь собаки?! А ну гоните их вон!

Визгливый женский крик заставил Дагуай и Сяогуай испуганно прыгнуть в сторону. Спутник женщины принялся угрожающе шипеть на них и замахнулся ногой, силясь пнуть животных. В ответ псы оскалились, выказав острые белые клыки, и утробно зарычали, предупреждая чужака, чтобы тот не смел приближаться.

Мужчина отшатнулся, но, не желая пасовать перед своей пассивностью, быстро победил секундный испуг. Схватив стоявшую у дверей тяжёлую подпорку, он с размаху опустил её на спины собак.

Бедные животные оказались зажаты в тесном проходе. Оказавшись в непривычной, пугающей обстановке, они растерялись не меньше своих хозяев. К тому же с самого детства Ван Сюань строго-настрого наказывал им не трогать людей, терпеливо вбивая это правило в их собачьи головы.

Поэтому даже сейчас, когда тяжёлое дерево со свистом опустилось на спину, причиняя жгучую боль, Дагуай лишь отчаянно подпрыгнула и вцепилась зубами в палку, не пытаясь повалить обидчика. Из-за этого псы оказались в ловушке.

Поняв, что огромные псы не посмеют ответить, мужчина окончательно озверел. С глухим рыком он изо всей силы обрушил дубину на Сяогуай. Собака истошно, жалобно закулила от боли.

Ван Сюань, заворожённый витринами, опомнился первым и бросился на крик. Ли Кай мчался следом. Увидев, как здоровый детина измывается над их любимцами, Гоудань взбесился.

— Ах ты тварь!.. — взревел он.

Прежде чем Ван Сюань успел его остановить, Ли Кай пулей пронёсся мимо и с налёту всадил тяжелейший пинок прямо в грудь обидчику.

Удар выпрямленной ноги вышиб из него дух. Тот с коротким хрипом взлетел на воздух и, проехав по гладкому бетонному полу, с грохотом врезался спиной в стеклянный прилавок. Лицо мужчины исказилось от невыносимой боли, поясницу мгновенно сковало парализующим онемением.

Торговый зал вновь огласил истошный визг его спутницы. Покупатели в страхе попятились, ошеломлённо взирая на развернувшееся побоище.

<http://bllate.org/book/19654/1996712>